

Культура. — 2004. — 4-10 марта. — С. 12

ВАДИМ ПЕРЕЛЬМАН:

Все началось с самолета

Еще совсем недавно Вадим ПЕРЕЛЬМАН — бывший наш соотечественник — был самым обыкновенным американским гражданином, о существовании которого знали разве что его друзья и близкие.

Но вот состоялась премьера "Дома из песка и тумана", его режиссерского дебюта, — и он в самом прямом смысле проснулся знаменитым.

Картину восторженно приняли как публика, так и критика, она была номинирована на три "Оскара": за лучшую мужскую роль (Бен Кингсли), музыку (композитор Джеймс Хорнер) и лучшую женскую роль второго плана (Шорех Агдашу).

— На премьере вы выглядели несколько ошарашенным...

— Серьезно?

— Именно. До сих пор не пришли в себя от нежданно-негаданно свалившегося успеха?

— Такого успеха я действительно не ожидал, но давно уже пришел в себя. Было много премьер... Вообще-то я смертельно устал. Длинный перелет, всю неделю в Москве провел на ногах: масса впечатлений, встреч, интервью. И все время в напряжении: уже отвык от русского языка, приходится переводить с английского, слова подбирались с трудом... Я волновался, когда приехал сюда, мне хотелось, чтобы на родине — а Россия была и остается моей родиной — поняли и приняли мой фильм. Для меня это очень важно.

— Откуда у вас — дебютанта — столь высокого уровня профессионализм, кинематографическая культура?

— Высокого уровня?.. Я много лет — двенадцать — делал рекламу. Для меня это была замечательная школа. Каждые две недели — новый фильм, новые проблемы. Я привык все время снимать. Конечно, снимать рекламный ролик и снимать полнометражный художественный фильм — разные вещи. Но я уже не думал, где и как установить камеру, какую выбрать линзу, как поставить свет, — все это делалось автоматически, не отвлекая от главного: я мог сконцентрироваться на работе с актерами, добиваться в кадре нужного результата. Взвешивая снимать кино, я не хотел растрачивать всех и представлять себя центром вселенной. Наоборот, мне хотелось "проталкивать" оператора, актеров, других моих коллег. Оператор, кстати, очень много мне помогал. Каждый раз, когда я хотел что-то сделать "рекламное", он меня одергивал, но очень уважительно одергивал: "Слушай, Вадим, давай это сделаем просто". Мы действительно делали все просто и... сложно. В том смысле, что избегали броских приемов, внешних эффектов, старались, чтобы не было видно "швов". Камера постоянно движется, а зритель этого даже не замечает. Этого я и хотел: чтобы "стиля" много не было, а было много чувства.

— Извините, но вы так и не ответили на мой вопрос... В России сейчас много кинорежиссеров примерно вашего возраста, и все они пришли из рекламы. И их фильмы зачастую напоминают большие рекламные клипы. Профессионализмом, кинематографической культурой и не пахнут!

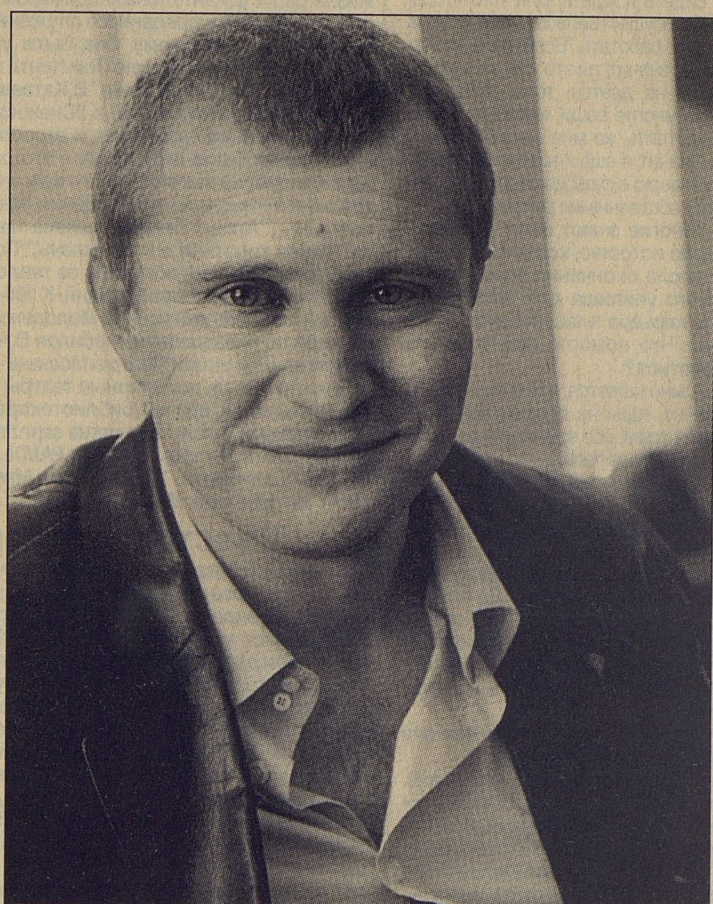
— Я не знаю, КАК мне удалось снять фильм. Я знаю, ЧТО я хотел снять.

Реклама дала мне некоторые профессиональные навыки. А учился я снимать кино — как это ни парадоксально звучит — на книгах. Читал и видел "картинки", сцены, кадры — все это, конечно, на подсознательном уровне. И чем больше взрослел, тем более содержательными становились мои "фильмы". Но, повторяю, это было в подсознании — о профессии режиссера я еще очень долго не помышлял.

— И когда стали "помышлять"? Был какой-то толчок?

— Когда мне было примерно 24 года, я начал учиться в университете — изучал физику и математику. Нужно было выбрать себе в качестве дополнительного какой-нибудь гуманитарный курс, и я записался на кино — почему бы и нет? Мне казалось, что это легкий курс — буду, мол, смотреть старые фильмы... Так вот в первый же день нам показали документальную картину о том, как Норман Джуисон снимал "Скрипача на крыше". Я смотрю, как он сидит в трейлере, отдает распоряжения, курит, переживает, куры бегают... Смотрю и вижу, как человек творит — ну из ничего делает КИНО! И это меня потрясло. В голове пронеслись сотни "фильмов", которые я видел, читая книги. Я понял, что ДОЛЖЕН снимать кино, и я бросил физику с математикой. И через некоторое время поступил в киношколу в Торонто.

— Как вам удалось купить права на экранизацию бестселлера, ко-

В.Перельман

торый просто просился на экран? Как вам удалось получить карт-бланш на такой известной студии, как DreamWorks? Как вам удалось собрать команду экстра-класса?

— Все началось с самолета — я возвращался из Рима, где делал рекламу одной крупной телефонной компании. Открыл книгу Андре Дюбуа III "Дом из песка и тумана" — купил в аэропорту — и несколько часов не мог от нее оторваться. Я плакал, представьте себе, и не стеснялся своих слез. И тогда понял, что это мой первый фильм. Едва прилетев домой, позвонил своему агенту, чтобы он связался с автором книги. Он говорит: возьми эту книгу и походи в одну студию, другую, если студия заинтересуется, она, может, и купит права на экранизацию для тебя — так, мол, принято делать. Я сказал: не хочу работать на "дядю". Где гарантия, что за мою идею ухватятся, а я не окажусь за бортом? Где гарантия, что даже если меня наймут, мне, человеку без имени, не будут потом выворачивать руки и загонять под голливудские стандарты? Я хочу сам свой фильм сделать. В общем, я поднапрягся и выкупил права за 25 тысяч долларов. А когда написал сценарий в соавторстве с профессиональным кинодраматургом Шоном Лоуренсом Отто, мы стали его предлагать. Сначала актерам. Первым откликнулся Бен Кингсли, причем не просто откликнулся — согласился сниматься без всяких условий. Даже не познакомившись со мной — настолько поразил его сценарий. И Дженифер Коннелли, которую я полюбил после "Игр разума", очень понравился сценарий — но она согласилась сниматься только после встречи со мной. Я был просто счастлив: со мной будут работать такие замечательные актеры! На сценарий "кнопнул" и оператор Роджер Дикинс — настоящий профессионал. Таким же образом появился и композитор Джеймс Хорнер, который за музыку к нашему фильму номинирован на "Оскар". Все они прекрасно понимали, что на этом фильме не заработают. И как замечательно, что есть люди, поступками которых управляют не деньги, а творческий, профессиональный азарт.

Имея такую команду, я устроил своего рода аукцион: откликнулось шесть голливудских студий. Я выбрал Dream Works, потому что любил эту студию — она делала отличные фильмы, много значил для меня и авторитет ее владельца — Стивена Спилберга.

В общем, все вышло как в сказке, произошло настоящее чудо.

— И как вам работалось с вашими знаменитыми коллегами?

— Отлично. Сначала относились несколько настороженно, но очень быстро стали относиться ко мне так же, как и я к ним, — с большим уважением. Была спокойная, серьезная, профессиональная работа.

Меня очень тронул такой эпизод. Мы снимали одну из ключевых сцен: герой Бена Кингсли в окровавленной рубашке бежит в клинику к сыну, которого подстрелили, и истуканно кричит: "Где мой сын! Где мой сын!" Обычно я укладывался в один, два, иногда в три дубля — работал ведь с потрясающими актерами, а эту сцену снимал девять раз!

— Кингсли плохо бежал?

— Он бежал, точнее — играл — безупречно. Все дело во мне: я вдруг осознал, что не знаю, чего же я хочу добиться в этой сцене? Это было впервые на этом фильме. И вот Кингсли в свои шестьдесят бежит по раскаленной улице изо всех сил пятый, шестой, седьмой раз... И он ни разу не

позволил себе хоть как-то выразить свое недоумение и раздражение, не спросил: "Так что же ты ищешь?" Он интуитивно понимал, что я подсознательно ищу какой-то крайне важный для фильма ход, образ, и сам включился в эти поиски.

— Вы сняли абсолютно не голливудское кино и настолько качественное, что наверняка получите предложение снимать блокбастер...

— Уже получил. Мне позвонил Спилберг и попросил сделать экранизацию бестселлера Стивена Кинга "Талисман" с бюджетом 80 — 90 миллионов долларов.

— Блокбастер — это хорошо для вас — в смысле гонорара, больших денег. Но с таким бюджетом продюсеры не рискуют. Вас неизбежно будут заставлять делать то, что обеспечивает кассовый успех. Вы к этому готовы?

— Я пришел в кино не ради денег, я люблю делать фильмы и надеюсь, что эта моя любовь заразит всех, с кем мне придется работать.

— Ваше детство прошло в Киеве. И вот после долгого перерыва вы вновь оказались в родном городе. Каковы впечатления?

— Напрашивается сравнение с "Алисой в стране чудес": я словно бы попал в параллельную реальность. Уехал в 1977 году из серого-серого города с серой-серой жизнью. А теперь это по всем внешним признакам современный европейский город. И люди стали другие, по-моему, они стали счастливее. Похожие впечатления у меня остались и от Москвы.

— Я слышал, что это была ваша идея уехать из СССР...

— Да. Наши близкие родственники умерли, папа погиб в автомобильной катастрофе, когда мне было девять лет. Мы жили в убогой коммунальной квартире, жили убого. И я сказал маме: надо уезжать. В то время выезду в Израиль уже не препятствовали. У мамы была сестра в Канаде, и мы, побыв некоторое время в Европе, поехали к ней.

— Возвращаясь к фильму: насколько он автобиографичен?

— Многие мотивы, нюансы, эмоции, поразившие меня в книге, были мне созвучны, наверное, поэтому я и взялся за ее экранизацию. Это естественно: каждый режиссер вкладывает в свой первый фильм частичку себя.

— И что же это за частичка?

— То, как я себя чувствовал, когда приехал в Америку. Самое болезненное — то, что ты теряешь близость, гордость. Тебя воспринимают как человека второго сорта.

— А теперь о вас, наверное, говорят: вот оно, живое воплощение американской мечты. Вы сделали себя сами. Сразу поймали за хвост удачу...

— Да где там... И для меня сам путь "из грязи в князи" интересней его конца. Так случилось, что в шестнадцать я ушел из семьи и стал жить самостоятельно — захотелось быть свободным во всех отношениях. Был грузчиком — да кем я только не работал!

— Ощущаете себя американцем?

— Думаю, русских корней никогда не потеряю... Русские душевнее, чем американцы. Россия — страна великой культуры, а не поп-культуры, и это дорого мне. Кусочек моей русской души лег в основу фильма, и для меня чрезвычайно важно, чтобы русские зрители почувствовали это.

Беседу вел
Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ
Фото автора

104